

ВРЕМЯ,
КОТОРОЕ
ВЫБРАЛО
НАС

Саша Осянин

Москва • Санкт-Петербург
2014

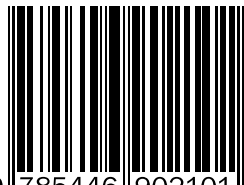
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
О-79

О-79 Осянин Саша
Время, которое выбрало нас. — М. ; СПб., 2014. — 376 с.

ISBN 978-5-4469-0210-1

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4469-0210-1

9 785446 902101

© Саша Осянин, 2014

Посвящается двум Таисиям — матери и дочери.

*В знак раскаяния
за украденную зрелость
и украденное детство.*

Глава I

Три с половиной часа монотонного гула самолета успокаивали и помогали думать. Мысли отбросили меня в объятия прошлого: я вспоминал и детально анализировал события последних лет. Сплошное разочарование и пустая трата времени с непредсказуемыми последствиями! Они могли завершиться фатально и даже привести к краху. Голос красивой стройной стюардессы вернул меня из прошлого в настоящее — наш самолет минут через 30 должен был совершить посадку в аэропорту Домодедово. Самолет пошел на снижение, за бортом плыли белые облака, и уже можно было различить городские районы и кварталы. Температура в городе была плюс 25 градусов, что для Москвы весьма жаркая погода.

Мысль о скорой встрече с друзьями и знакомыми стирала из головы последние события моей жизни. На мрачном небосклоне звёзды встали в ряд. У звезд всё по-другому: не по старшинству и заслугам, а по месторасположению. Звёзды северного полушария мерцали тускло, но торжественно и празднично. Это был праздник для своих, всем остальным разрешалось только наблюдать (если могут) и радоваться. Было чудно и прекрасно вокруг — ведь в каждом уродливом явлении можно при желании найти прекрасное, отсечь уродство и обнажить красоту. Но почему же мне так больно, грустно и трудно, и о чём я жалею?

Я искал душевной свободы и покоя, я хотел забыться. Люди подвластны писаным и неписаным законам Жизни. Хотим мы того или нет, Жизнь берёт свое и диктует свои правила. Для самообмана и успокоения души влюбляешься и веришь во что-то; или замыкаешься в своем внутреннем хрупком мирке и не хочешь подпускать никого, чтобы этот мирок не разрушали, ибо творцом его являешься ты сам.

Законы собственного «Я» туго опоясали нравственные устои каждого, кто сам уважал их. И подобно коллекционеру, с каждым пополнением коллекции Жизнь становится еще прекраснее и гармоничнее. Эта неопишуемая детская радость принадлежит только тебе, и мельчайший дисбаланс вызывает депрессию. Моим мечтаниям не было бы предела, мечты унесли бы меня далеко, если бы не голос стюардессы, которая сообщила, что через 30 минут самолет произведет посадку в аэропорту Домодедово. За бортом ждала реальная истина — Жизнь со своими поворотами, успехами и неудачами готова была принять меня в свое лоно.

Жизнь — это лестница: для кого иерархическая, для кого служебная. Но для большинства — просто лестница: сегодня поднимаешься, завтра спускаешься. Интересно, сколько еще раз мне подниматься и спускаться? Лучше бы остаться на лестничном марше, если получится.

В моем моральном кодексе строителя коммунизма был ряд положений, которыми я руководствовался в своих действиях и которые, как мог, старался не нарушать: быть принципиальным, избегать двойных стандартов, не давать другим людям повода усомниться в моей чистоплотности. Никому не позволить обнаружить мое alter ego и не дать шансов использовать мои слабости против меня. Лучше сделать лучше, чем быстрее, и спешить не торопясь. Друзья и знакомые часто говорили: под лежачий камень вода не течет.

Шасси мягко коснулось взлетной полосы, и аплодисменты пассажиров вывели меня из раздумий. Самолет начинал сбавлять ход. Через 10 минут он уже был на стоянке для высадки пассажиров. На борту началось оживленное движение, народ стал толпиться у входа. Стюардесса призывала к порядку и корректности, но тщетно. Суэта усилилась, все торопились еще больше. Все, кроме меня. Замкнутое пространство угнетало и отнимало на какое-то время то жалкое чувство свободы, которое в нас пробуждается и ради которого человек живет. Смысл жизни человека заключается в поисках счастья, и у каждого оно свое.

За бортом ждал большой город, мегаполис. Открыли люк — и люди стали быстро выходить. Даже смуглый молодой парень, который во время всего полета не сводил глаз с белокурой стюардессы, после открытия выходного люка вылетел, как пробка от шампанского. Через десять минут после выхода людей из самолета подали автобусы. Так же быстро и беспорядочно пассажиры проникли внутрь. Автобусы оста-

новились перед залом таможенного досмотра. Рейс, которым я прибыл в Москву из Душанбе, считался «наркотическим». Досмотр длился дольше обычного; затруднения были связаны с малой опытностью персонала и таможенников. Но с каждым пойманным контрабандистом они совершенствовались свои навыки.

Я не торопился и подошел к досмотру последним, и вместо паспорта протянул таможеннице справку — это была форма № 9. Женщина вскочила, как ошпаренная, и рявкнула:

— Нет, не пропущу! Вы полетите обратно: не имеем права! — и поправила очки.

«Граница на замке — спи, страна, спокойно», — подумал я про себя.

— Мне туда не надо, еле-еле вырвался, — возразил невозмутимо я. — Отправьте меня или в Пермь — у меня пермская прописка, — или на родину.

— Мы заказы не выполняем! — покраснев, фыркнула женщина. — Нет и еще раз нет!

— Нет — это не ответ.

Я засунул руку в карман, достал то, что осталось — 20-долларовую купюру, — и тайком от чужих глаз протянул ей. Ее лицо быстро приняло естественный цвет. Она улыбнулась и взяла деньги. Президентам не хватало простора для правления, собственная страна оказалась им слишком мала — и взялись за нашу. Любые вопросы в бывшем СССР теперь решались при помощи Гранта и Франклина. Вот какая великая сила убеждения у этих зеленых бумажек! Замок быстро открыли и закрыли.

Медленным шагом я направился к выходу. Прошел сквозь толпу встречающих и вышел к автобусным остановкам. Тут же какая-то женщина наступила на мои изношенные туфли, извинилась и быстро удалилась. Уже почти год я ходил в одних и тех же рубашке, брюках и туфлях. Они производили впечатление лохмотьев...

На остановке быстро образовывались группы спешивших людей, и так же быстро после прихода автобусов эти группы рассасывались. Все торопились, все суетились, у всех были дела. Страна за последние восемь лет находилась в таком движении, что нельзя передавать словами. Всем и всеми двигало только одно — новое дело. Погоня за длинным рублем. Жизнь превратилась в бешеную лихорадку. Остановка или выход из группы означали гибель — физическую и материальную. После

многих проб и ошибок идея разбогатеть одним махом угасала. Пирог оказывался не так уж велик и доставался окружению президента и его пресмыкающимся. Большинство предпочитали спринт — бег на длинную дистанцию им не подходил.

Для этого нового дела есть богатая почва во всех областях русской общественной жизни: в науке, искусстве, промышленности и торговле. Такой благодатной почвы, как в России, нет ни в одной стране. Однако такая огромная территория вместо преимущества стала помехой для неумелого руководства. В новом зарождающемся мире удачно процветает забытая коммерция, потому что большего здесь не требуется: таблица умножения — прибавить себе и отнимать у всех, что еще осталось. Кинжал и пистолет — и всё! Коммерция зарождалась с присущими широкой русской душе пороками и нравами. Забыли Пушкина, Шишкина, Чайковского, и настало время Лёньки Пантелеева и его последователей. Все прочие стороны бизнеса, наукоемкие производства, наука, промышленность отмирали. В силу привычки начался процесс «обдиранья родины с любовью».

Чего сто́ят эти новоявленные политические партии (в основном это бизнес-сообщества)! Они играют на людских чаяниях и слабостях в угоду своим политическим амбициям. Часто слышны дифирамбы: не жалея слов, они признаются в любви, уже точка нож за спиною.

Жизнь стала иллюзорной. В обстановке неразберихи в целом жизнь превратилась в обман — санкционированный и не санкционированный законом. Он терзает всё самое глубокое и главное. Я всё больше склоняюсь к тому, что люди потеряли красоту общения, ибо красота обязывала. Страсть разрушения! Жизнь есть жизнь, раз нам суждено было по воле дегенератов-политиков жить заново начертанной жизнью, играть свою роль. Нет, я не фаталист. И каждый из нас выбирает свой путь, свою роль, исходя из начертанного, — ведь и река течет там, где меньше сопротивления. В наше время чем меньше нарушаешь законы — тем жизнь сложнее. И наоборот: чем больше обходишь законы — тем жизнь кажется слаще и легче.

У многих африканских племен, когда рождается ребенок, ему дают попробовать мед и полынь, чтобы он узнал, что в жизни его ждет и сладкое, и горькое.

Не имея в кармане ни гроша, я начал расхаживать по аэропорту. Ту квартиру, где я проживал после моего отъезда, хозяйка давно сдала.

Остановиться негде. О моем приезде не знала ни одна живая душа. Это будет для всех огромным сюрпризом, так как уже месяцев восемь никто не знал, где я, жив ли я. Мысленно перелистал все адреса в голове и остановился на Андрее, моем студенческом друге. На общем фоне встречающих и провожающих я выделялся своей внешностью, как белая ворона. Испокон веков на Руси на торжества и праздники принято одеваться помпезно и пышно.

Внешне не скажешь о больших переменах. Людей выдавали нервозность, несдержанность и большой синтетический клетчатый красно-синего цвета баул, ставший бессменной атрибутикой начального периода капитализации России. Прошло больше часа — уже поздно, и надо бы решиться подойти к водителю, чтобы «зайцем» взял в автобус. Два водителя отказали, а третий согласился, посадил рядом с собой.

Что может быть прекраснее ночной Москвы? Москва — земля обетованная, для «обетованных». Она веками являлась центром российской государственности, культурным и духовным центром и источником вдохновения для грядущих событий цивилизации.

По своей красоте Москва по праву занимает свое достойное место среди других городов. На заре цивилизации она отдала первенство старшим братьям — Вавилону, Эребуни, Карфагену и Риму. Сегодня у нее есть все шансы стать третьим Римом. Юрий Долгорукий основал Москву, Юрий Коротконогий Руки-в-Чужом-Кармане-Считающие-Деньги — на свой вкус перестраивает. Белокаменная, Златоглавая, Рукотворная, Непокорная и Победоносная — это всё Москва! Раньше были союз правителя и зодчего — Перикла и Фидия, Папы Пия XII и Микеланджело. Скольких прекрасных эпитетов не хватило бы, чтобы спеть панегирик! Наконец, Гитлер и Шпеер. А мы стали свидетелем тандема Лужков — Церетели. Их вкус стал нашим восприятием.

Минут через 40 я попросил водителя остановить автобус на Ленинградском проспекте у метро «Динамо». Время уже позднее — половина двенадцатого! В гости идти поздно — можно и побомжевать, благо одежда соответствует и погода теплая. Можно и на улице заночевать — в Петровском парке. Я вспомнил анекдот про татар, что незваный гость хуже татарина, когда весь анекдот сам себе пересказал, нашел моральный стимул, взбодрился. Решено: надо идти. На улице Верхняя Масловка проживал Андрей — мой товарищ и друг. Во дворе дома было по-прежнему загажено, как и год назад, обшарпанные стены

и облезлая штукатурка со следами народного творчества. В доме, видимо, много поклонников «металла». Это еще по-божески — часто бывают наглядные порнографические рисунки и аналогичные подписи к ним. Лифт остановился на шестом этаже; я стоял перед дверью — мужества не хватало нажать кнопку звонка. Постоял минут десять и нажал. Стою. Жду. Кажется, прошло много времени. Нажал еще раз. За дверями слышны торопливые шаги, и недовольный голос сказал:

— Кто там такой нетерпеливый?.. Иду, иду, — это Андрей.

Что он меня не ждал — это факт. Андрей открыл дверь и удивленно воскликнул:

— Ты?

Первое время после моего отлета в Душанбе мы каждую неделю созванивались. Потом реже и реже, а целых полгода я и вовсе не звонил. И вот на тебе — как чёрт из табакерки, стою перед другом — исхудавший, в истрепанных тряпках...

— Заходи, — властно и по-свойски сказал Андрей, обнял и поцеловал меня, как родного, которого долго ожидал. И от радости он почти кричал: — Наташа! Иди сюда, смотри, кто пришел! Не поверишь!

— Да тише ты, — возразил я ему, — дети, наверно, спят.

— Их уже трое.

— Не надо, — сказал я и закрыл за собой металлическую дверь.

— Саша, это ты? Откуда? — удивилась Наташа.

Я стоял, как гипнотизированный. За то, что нарушил их семейный покой, что свой груз проблем вываливал на их плечи, мне стало немножко не по себе и неловко, но зато на душе комфортно — ведь мое такое положение и появление в их доме принесло им если не радость восторга, то приятное удивление и чувство товарищества!

— Давай, проходи, — похлопал меня по плечу Андрей и слегка толкнул в комнату.

— Погоди, туфли сниму, — сказал я и нагнулся.

— Сегодня тебе всё можно, — сказала Наташа.

— Натулик, позвони Толику: пусть срочно приедет, — сказал Андрей.

Мой приход к ним домой был радостью — это отражалось и в голосе, и в настроении супругов; от этого у меня скованность и робость спала и неловкость прошла. Я пришел в себя, и мне стало приятно, что имею такого друга, — ведь это редкость в наше сумасшедшее время!

— Зачем тревожить безмятежную душу? Пусть спит, завтра с утра сообщим, — стал я уговаривать Андрея.

— Действительно, нет надобности — поздно. Сообщим, а он не сможет приехать, будет переживать. Завтра выходные — позвоним, — присоединилась ко мне Наташа.

В квартире всё было по-прежнему: та же мебель и обстановка, ничего не прибавилось, ничего не убавилось. Но было пополнение: после сына и дочки родился второй сын. Я тоже всегда мечтал после троих сыновей иметь четвертую дочку-лапочку. Мое раздумье прервала Наташа:

— Душ принимать будешь?

— Можно, — ответил я.

— Не можно, а нужно, — подтвердил мое желание Андрей.

— Ну, тогда торопись, — сказала она. — Я пока накрою стол.

Она принесла полотенце и новое белье. Опять меня одолело чувство неловкости и уныния за причинение им неудобства. Я зашел в ванную комнату, а следом — Андрей.

— Там найдешь новый прибор для бритья, новый комплект «Жиллетт».

Через 45 минут я вышел из ванной — бодрый, свежий и веселый. Наташа уже накрыла стол.

— Зачем так много на ночь глядя — вредно много есть ночью!

— Что ж, получается, ночью не ел?

— Ну... приходилось, а так стараюсь после восьми вечера не есть.

— За один раз ничего не делается, завтра суббота — день свободный, планов никаких. Червя заморим — и спать.

Стол был сервирован великолепно: летний салат, оливье, капустный, огурцы, маринованные грибы, колбаса, скумбрия и, наконец, голубцы! То, что я больше всего люблю! Всё аккуратно и равномерно, как будто колбасу и сыр резали на станке — чувствуется, рука набитая! Я заострил внимание на грибах.

Наташа уловила мой взгляд, сказала:

— Это прошлогодние. Мама на прошлой неделе прислала с братом, ты его знаешь.

— Знаю. Да, ничего не скажешь! Всё по высшему рангу!

— Могла бы и получше, если бы знала о твоём приходе.

— И так всё в порядке, — от неловкости сказал я.

— Ну, начнем, — вмешался Андрей, взял в руку бутылку водки «Гжелка» и добавил:

— Давайте по пятьдесят за приезд!

Налил в стопки; молча мы подняли стаканы и выпили. Я пригубил и поставил стопку на место. За свои тридцать три года я так и не научился или, точнее, не полюбил горькие горячительные напитки. Ну не нравится эта зараза мне!

— Вижу, не научился пить, — сказал Андрей.

— Честно сказать, никогда не нравилось, никогда не пытался. Я гурман и знаток еды, рецензирую кулинарное искусство Наташи. Андрей, включи, пожалуйста, магнитолу, если можно, потише — дети спят. Сам не догадываешься?

Тоска и ностальгия по музыке меня сковывали. Там, в Таджикистане, другие нравы, другие обычаи и другая музыка. Мне не очень импонировала восточная музыка. Восток есть восток и, как говорил «востоковед» товарищ Сухов, дело тонкое.

— Давай рассказывай, как на духу, почему так вышло? — сказал Андрей и опять налил в стопки.

Я тем временем опустошал тарелки. За полгода я потерял в весе 30 килограммов: в аэропорту встал на весы, стрелки показали 65 кг!

— Андрей, может, повременим сейчас, не будем. Завтра Толик приедет, и он тоже захочет узнать. Заново пересказывать неохота, тем более что долгая история, хорошо? Не обижайся — хочется напиться и забыться.

На выручку мне пришла Наташа:

— Дай человеку отдохнуть, а не заново пережить то, что пережил.

— Ладно-ладно, уговорили, — отступил Андрей.

— Давайте выпьем! Тост за вашу семью, — предложил я, чтобы сменить тему разговора. — За вас, Андрей и Наташа! Будьте счастливы, живите долго. Крепкого здоровья и любите друг друга!

Я залпом выпил водку.

Добро и зло таится в винных чашах. Вино — твой друг, пока ты трезв, а если пьян — то враг. Я часто пил венгерское токайское: «Вино королей, король вин» — так сказал о нём король-Солнце — Людовик.

Андрей подскажет, как поступить в той или иной жизненной ситуации. Если считает нужным — всегда стоит на своем, но никогда не давит. Видит в тебе в первую очередь человека, партнера. Он дорожит своей

честью. Он умеет увлечь, он скромный, краткий и прямолинейный, что ни слово — то выстрел в лоб! Самое грозное оружие — страстное слово истины. Меткое слово, сказанное в нужное время и в нужном месте, — самое разрушающее и уничтожающее. Вначале было слово, слово правды.

Андрей уговорил Наташу, чтобы она пошла отдыхать, и мы вдвоем просидели до утра. Встретили восход. Я не видел утра более голубого и светлого! Белые облака плыли в небе, как лебеди; я завидовал им. Мы, люди, выбираем жену, религию, профессию и место жительства, но не родителей и родину! А у облаков родина безгранична, нет таможенных барьеров, нет визовых режимов. Бескрайний океан им отчизна. Нет у них тоски...

— Пойдем и мы спать, а то скоро дети встанут, не дадут, — Андрей вытащил кассету из магнитолы. — Пошли. Весной соседка по площадке умерла, ты знал ее.

— Ираида Степановна? — спросил я. — Царство ей небесное и земля пусть будет пухом!

— Она часто спрашивала о тебе: нет ли новостей? Жив ли?

— Женщина была умная, интеллигентная, несколько раз приходилось пройтись по саду с ней до метро. Интересная собеседница. Жаль, ну что поделаешь — возраст. Помню, как-то она рассказывала, как арестовали мужа и брата в 39-м году, комсомольских вожаков, и сказала: «Вмиг крах настал моим пустым мечтаниям о светлом будущем». Мне помнится еще одна ее фраза: «Я завидую вам хотя бы потому, что вы молоды. И может, жизнь вам улыбнется, и вы будете жить счастливо и достойно, как подобает человеку».

— Спать, спать! — повторил Андрей.

Я почувствовал усталость и уже сам хотел спать. В гостиной была моя постель, я лег и моментально уснул мертвым сном. Чистое тело, чистая постель, бурлящая душа, в кругу друзей — не блаженство ли? Спал много или мало, не знаю. Когда открыл глаза и посмотрел на настенные часы, они показывали время 12.15. Пока в комнате никого не было, я быстро надел рубашку и брюки. Из кухни доносились голоса. «Толик приехал», — подумал я, и не ошибся. В коридоре он обнял меня своими крепкими руками и прижал к себе.

— Живой! — сказал он, отпустил, осмотрел с ног до головы и снова обнял.

— Кости не ломай! — пискнул я.

— Выглядишь очень даже ничего, завидую! После долгой диеты хорошо одеть — и будешь выглядеть презентабельно!

Наша дружба длилась больше десяти лет. Нас связывало не только прошлое, но и настоящее. Мы всегда знали, как идут дела у каждого из нас. Проверенная временем, наша дружба только крепчала. Помогали друг другу кто чем мог. А добрым словом помогали всегда. Наша дружба была бескорыстной и поэтому твердой, как алмаз.

В этой жизни, чтобы выжить, помимо хороших друзей, надо иметь хорошего знакомого чиновника, решающего ряд важных вопросов. Не подмажешь — не поедешь. Сложно сразу решить, кто друг, кто недруг, чтобы не пригреть врагов в своих сердечных недрах. Надо искать такого друга, чтобы за него не жаль было пожертвовать собою, но чтобы и он рискнул головой за тебя. Когда такого в жизни найдешь — не становишься к нему спиною: подлинный друг должен быть верен до гроба. Как сказал поэт: «Лишь те друзья не на словах, на деле, кто наши кандалы себе б надели». Люди не могли бы жить в обществе, если б не водили друг друга за нос. Но что может так сильно вытрясти душу, как не ядовитая клевета друзей и измена близких?

Анатолий всегда был душой компании и заводилой, у него в запасе были слова и разные способы развеселить, подбодрить — даже в тех случаях, когда все находились в цейтноте. Мы искренне любили его за тонкий юмор, за то, какой он есть, за то, что он вливал в ранимые сердца друзей новую энергию жизни и радости. Его кредо: «в каждом серьезном деле можно найти смешное, если хорошо поискать». Его юмора и такта хватало, чтобы сгладить разногласия в любой ситуации.

Время, с которым мы стали знакомиться, требовало учиться и познавать. В превратностях судьбы есть одно спасение: кто вооружил себя щитом знаний — тому покорится очень многое. Не зря говорят: «знание — сила!». Увы, увы: звание, должность — тоже сила. Если человек в целом добрый, он должен иногда быть и чуть-чуть злым, иначе ему просто не выжить в жестокой борьбе.

В кухне Наташа делала последние приготовления. Она положила на стол приборы и сказала:

— Можете устраиваться поудобнее — всё готово.

— Всё чин по чину, даже шампанское! Зачем такая торжественность? — от неловкости спросил я.

— Всё по графику.

— Водки больше и крепче! Русская душа требует самозабвения, — сказал Толик.

Северные народы употребляют много жирной пищи, а для расщепления жиров нужен крепкий алкогольный напиток. И национальные блюда: пельмени, студень, маринованные и соленые овощи, грибы и рыба — все они великолепно сочетаются именно с водкой.

Застолье прошло весело. Время прошло быстро. Тосты, добрые пожелания и вкусные блюда чередовались друг с другом. Время подсказывало, что пора закругляться. Наташа предложила на десерт фрукты, торт, чай и кофе. Я чувствовал, что застолье скоро завершится. Андрей и Толя деликатно и сдержанно ждали этого момента, чтобы узнать, что же произошло со мной на самом деле. Сейчас начнутся расспросы и допросы. Как же я не хотел этого! Чувствовал себя так, будто меня взяли за горло и душат. Андрей был нечеловечески умен и целеустремлен; найдя подходящий момент, он спросил:

— Там чай пьют кусками или сахар растворяют в чашке?

— Смотри кто пьет чай: богатые пьют по-европейски, а бедные, у кого нет денег на сахар с сухофруктами, макают в чай лепешку, — уклончиво ответил я.

Первая попытка душевной пытки получилась неудачной. Толя незаметно моргнул Андрею и прямо спросил:

— Как же случилось, что ты оказался в таком положении? Степан Константинович сказал, что он через двое суток полетит обратно, и со следующей партией денег прилетишь ты. И как-то он исчез из нашего поля зрения.

— Следующей партии не было. Это долгая история, и ее надо начинать с начала, а не с конца, — ответил я. — Если помните, мы с ним еще года два назад индусам попытались продать пятнадцать тысяч тонн меди с Норильского комбината. Тогда он выступил вице-президентом Лиги профессионального бокса России. — Ну ладно: раз хотите — слушайте. Сегодня суббота, завтра воскресенье...

— Послезавтра понедельник, — сказал Толик.

Я посмотрел на него, ничего не сказал и продолжил:

— Постараюсь подробно разложить по полочкам, чтобы всё было понятно и ясно. Хотя не мешало бы обсудить, что мне делать дальше, чтобы на вашей шее не висеть.

— Об этом тоже поговорим, — сказал Андрей. — У меня есть наметки, я немножко денег накопил и искал доверенного человека. Пора свое дело открывать. Всё по порядку и не спеша; у Толика дела тоже не ахти, — Толик недовольно сморщился, Андрей не обратил внимания и продолжил: — Чем не команда? Времени много, никто нас не торопит. Саша может людей подключить, его найдут деньги немаленькие — какая была твоя доля?

— Одна треть — около трехсот тысяч американских рублей. Может, нам попадется. Ладно, опять отвлеклись! Это поездка была в основном на свой собственный страх и риск и авантюризм, и финал был непредсказуем.

* * *

Если бы древние греки знали историю России XX века, то никогда не сказали бы, что история не делает скачков.

Человеку свойственно ошибаться; мы унаследовали это от своих предков, а они — от своих, и в итоге конца и края не видать — Россия! В начале 90-х на демонстрациях народ пел песни и требовал перемен, и вот в середине 90-х построили нечто непонятное, где сам чёрт ногу сломит! Титаном мысли уже были произнесены пророческие слова: «Хотели как лучше — получилось как всегда». Цены, цены и очень много недоступных товаров — не музейные ли экспонаты? Всё на продажу! Кто такое теперь может купить — те и покупают. В этих ценниках весь цинизм времени.

Нередко в России психические заболевания принимаются за особые духовные дарования, связанные с пророчеством и чудотворчеством. Блаженные молили Бога по привычке, а тайком ненавидели его. То судорога, то дрожь, то чувство собственной уязвимости — всё накапливается в разуме, и начинаешь понимать, как тяжело вынести всю эту мерзость окружающей действительности. В отличие от отца Сергия, юродивые часто в истории родины попадали в ранг святых. В народе они пользовались особым уважением и поклонением, веками создав образ великомученика. Народ сам создавал, распространял и развешивал миф о великомучениках и всегда грудью вставал на защиту божьего помазанника. Сочувствую: народ взял на себя долю ответственности, а значит, сам не сознавая того, становился косвенным

участником того безобразия, что происходит в стране. У каждого народа такой президент, которого сам народ заслуживает. Шок наступил, а время терапии пока не наступило. Рыночная стихия бросила всех в погоню за миллионными прибылями.

Начертались контуры и тропа для страны, которую мы должны пройти: шок, адаптация, терапия — реанимация, стабилизация, рост и подъем. Там, может быть, и виднеется оно — Светлое Будущее, начертанное отечественными современными экономическими юродивыми. Все увидели, но рост и подъем какая-то сволочь почему-то убрала из нашей жизни. Историческая логика последовательно шлифовала расклад и привела к социальному катаклизму для основной части населения.

После пятилетнего мытарства и уныния страна — как после клинической смерти в реанимационной палате: временами то появляется пульс, то исчезает, потом опять восстанавливается. Дóлжно было всё чаще и чаще переходить на ритмичную работу, подчиняться своим внутренним законам, где свой определенный порядок. Для человека период восстановления длится дни, недели; для страны это, увы, непонятно, когда наступит — это люди и судьбы, поколения... Каков поп — таков и приход! Медленно-медленно душа начинает понимать, что успокоение не наступит никогда, что забота о новых переменах отдана на откуп не тем людям: чубайсам, немцовым, лужковым и прочим их последователям. Вроде пора — скоро должно наступить время собирать камни, они разбросаны вокруг и повсюду, но нет, ребята, ждите: Москва не сразу строится, про Моисея даже не хочу вспоминать! Страну отдали на откуп ломбардному менеджеру — Чубайсу. Заводы и фабрики, стоившие миллиарды долларов, он продавал своим друзьям за копейки. Так рождались и размножались «чубайсоиды» и поползли по всей стране. Хакамада и Немцов так забормотали: мол, он лучший менеджер. Впоследствии их назвали олигофренами: Бесовский, Гнусинский, первый ходок — Ходорковский и прочие. У всех симптомы болезни одинаковые — алчность, жадность. Удивительно: почему один Ходорковский парится на нарах? Действовали все одинаково: отнимали, делили чужое, умножали и прибавляли себе. Четыре действия арифметики плюс наглость и хамство, и как мыло, скользкий — и ты олигофрен!

Кануло в Лету время, когда по внешнему виду можно определить, кто есть кто, как на планете «Кин-дза-дза» — желтые брюки. Малиновые пиджаки, кашемировые длинные разноцветные пальто, шикарные

иномарки, массивные золотые «ошейники с акробатом» и браслеты. Красиво жить не запретишь! Наряду с китайскими пуховиками для большинства народа. И разве не удивится приезжий иностранец? Это для нас стало обычным — увидеть «членохраниителей» новых русских со стриженными под нулевку головами, причем калибр головы и диаметр шеи идентичны, будто литейщик их вчера отлил по стандартной форме. Сливки преступного мира, они одержимы желанием стать сливками общества — эта ненадежная кучка, как крапленые карты в колоде! Как ни повторяй «человек, ты зверь», на какой-то миг это всё исчезло, внешне они поддавались и притворялись, а внутренне сопротивлялись. Они не теряли надежду подчиняющим торжеством, хоть и знали: трон один.

Это в сказках чуда простые и незатейливы, а главное — добрые и не очень страшные. В борьбе добра и зла, что отрадно, добро всегда побеждает, не оставляет досады в душе и не порождает ответной злобы. В нашей современной России всё в точности наоборот.

Беда пришла в наш дом; отношения права и обязательства существуют, как в древние времена; объявили, что идем навстречу цивилизованному миру; видоизменили и маскировали декларативными лозунгами и защитили конституцией. Всё с этого и началось — с первого и главного обмана. Еще доктор Геббельс, «праотец» наших демократов, говорил: «Любая ложь после повторения становится правдой». Деньги и власть — близнецы по крови и нраву, подлые и коварные по сути, вероломные и преступные по происхождению.

Приди Христос в русскую деревню — его девки засмеют (это в конце XIX века по Толстому), а приди Христос в конце XX века в Россию — его вторично подвергли бы лютой казни. Такова мораль наших дней. Из копыта его осла сделали бы амулет и продавали. Такое ощущение, что все эти годы над страной дул ветер норд-норд-вест.

Всё чужое, одно лишь время наше, и то часть у нас отобрали силой, часть похитили, часть утекает впустую не в пользу страны, и часть навязали.

А тем временем горстка людей ворочала миллиардами и за такой короткий срок стала владеть ими. Это разве не чудо? Как это возможно? Возможно, когда сам себе даешь разрешение и сам якобы исполняешь; возможно, когда на государственном уровне воруеть, убиваешь и грабишь с поделщиками и близкими родственниками. Образовались

целые кланы с повадками прайда. Присвоили себе звание «олигархи» — эти «исполины» экономики стали позором русской души. В стране, где ценят вранье, правду не ищи, как не ищи и лекарство от боли для человеческой души! В такой стране истина не требует доказательства и подчиняется силе и власти, которые, в свою очередь, устанавливает сильный. Из сказок знаем: у сильного всегда слабый виноват. К сожалению, истину не доказывают, а навязывают.

Да, мы не европейцы, боимся часто употреблять слово «нет»; как уличные девки, сразу соглашаемся. Излишняя деликатность и застенчивость привели к катастрофе. Лишь бы попросту не обижать друга, партнера, товарища во вред себе и чтобы не быть рабом! Пьянице стесняемся сказать, что он пьяница, тем более если он твой шеф, врач да еще и терапевт! Неудобно русскому человеку многое, если не всё. Живет годами в неустроенных «домах», без нормального питания, стесняется детям в глаза смотреть, но будет терпеть и терпеть. Нет, чтоб сказать: «нахватались!» Слово «долой» всегда на Руси было крамольным. А в нынешние времена хотим всё смягчить.

Из-за своей скромности с деловыми партнерами я попал в такую переделку, какой никому не пожелаю!

* * *

Помню мою первую встречу со Степаном Константиновичем Степановым. В июне 1994 года в офисе фирмы ООО «Трансконтинентал» мне предложили 15 тысяч тонн меди. Предложил вице-президент Лиги профессионального бокса — как его звали, «дядя Стёпа». Предложение очень заинтересовало, и я попросил, чтобы мне предоставили ксерокопии полного пакета документов. Секретарша быстро по телефону нашла «дядю Стёпу», и выяснилось, что ввиду занятости он не сможет сегодня приехать, — и мы назначили встречу на завтра.

На следующий день, как и условились, встретились в 11.00. Я представлял его себе, человеком высокого роста и плотного телосложения — поэтому и «дядя Стёпа». О господи, зачем так издеваться над человеком! Когда он пришел, передо мной стоял сутулый, тучный человек с большой лысой головой (умные волосы давно покинули дурную голову). Я ему сказал это потом. Большие выпученные глаза навязывают («Печень болит», — сразу подумал я), щеки висят, но чисто выбриты,

шея точно отсутствовала. Могущественная тучная масса ростом 180 см и масса примерно такая же — 180 кг. Размеры живота поражали воображение: человек-туловище! Если характеризовать его одним словом — большой целлюлит!

Он представился:

— Степанов Степан Константинович, кандидат наук, — и протянул руку.

— Очень приятно. Александр, — и хотел добавить: «кандидат никаких наук», но воздержался и пожал его бескостную и вечно потную руку.

— Мне передали о вашей заинтересованности, — сказал неопределенным голосом Степанов и глазом показал на дипломат: типа, документы с собой.

— Если честно, я не успел их рассмотреть и изучить, тем более мне сказали, что все вопросы надо обсуждать с вами.

— Правильно сказали, — он предложил зайти в офис для ознакомления с документами.

Мы зашли в офис. На втором этаже он попросил секретаршу, чтобы открыли кабинет для переговоров. Сели друг против друга; он положил на стол дипломат, без спешки открыл его и оттуда достал пакет документов. Долго пытался отдышаться, вытирая пот со лба и лица.

Хорошая память — это болезнь. Я помню каждый жест, интонацию его голоса и косноязычие. Говорил Степанов медленно, много, вокруг до около. Я понял: он всегда говорит больше абстрактное, и в дальнейшем это подтвердилось. В отличие от него, я был краток и конкретен. Я прервал его и спросил:

— Можно документы отскерить или переписать номера договора, счета с «Норильскникелем»? Прежде чем предложить покупателям, надо проверить самому.

Я знал: в стране катастрофически не хватало денег, пенсии не платились годами, спорт финансировался таким образом: давали объем, будь то медь, будь то уголь, будь то нефть. Найдите покупателя и живите, можете — кидайте! Космонавтам для поддержания Байконура и социальных составляющих в течение пяти лет выделили 25 миллионов тонн нефти. Во время объявления вотума недоверия правительству Черномырдина Титов, второй космонавт СССР, голосовал за то, чтобы убрали некомпетентное правительство. Черномырдин потом аннули-

ровал собственное постановление — отомстил и оставил отрасль без финансирования: мол, «итальянцы, с кем хотели космонавты модернизировать и усовершенствовать ряд социальных программ, оказались мафиози». Такой крупной мафии, как российская государственная структура, в мире наверняка нет!

После чтения и ознакомления я сказал:

— Условие, в котором вы предлагаете стопроцентную предоплату, приемлемо при двух условиях: если вы выставите топТОР-25 после подписания договора и платите Performers bond в размере от двух до трех процентов. Если всё это вас устраивает, то сделка срастется; у меня есть люди, которые на такие условия пойдут. Международная стандартная схема.

— Я позвоню Филатову и всё согласую с ним сегодня, а или вечером, или утром мы созвонимся, и я дам ответ.

Согласно нашей договоренности, на следующий день в 11.00 я позвонил в офис и попросил Степана Константиновича. Мне ответили, что он еще не приехал, будет после обеда. После обеда он позвонил мне сам и веселым голосом сказал:

— У меня хорошие новости для тебя: Филатов все условия, выдвинутые вами, утвердил.

— Хорошо, — лаконично сказал я. — Сегодня или завтра можем встретиться, чтобы окончательно обговорить и утвердить нашу единую позицию и согласовать мои комиссионные.

— Об этом не переживай: я не допущу, чтобы кто-либо нарушил твои интересы. Насчет встречи позвони к концу дня, я сейчас слишком занят.

Разговор меня слишком подбодрил, и потом мне сказали, что ему понравились моя компетентность и серьезность. Я заново набрал его телефон и сообщил, что во избежание потери времени я назначу встречу с покупателями на сегодня. После чего сообщу информацию секретарше. В роли покупателя выступала индийская фирма, хозяевами которой являлись четыре брата: один сидел в Москве и продавал собственную продукцию химической и текстильной промышленности. Другой брат контролировал брокерскую контору на Лондонской бирже металлов. Третий был в Дели, а четвертый — в Сингапуре.

Я быстро набрал на компьютере коммерческое предложение и поехал к ним в офис — ВДНХ. К ним ближе всего попасть со стороны

гостиницы «Турист». В конце рабочего дня я уже был в офисе. Как сказала секретарь Наташа, господин Ашок уехал оформлять документы на растаможку, то есть платить дань таможенникам. Горе-патриоты — таможенники — за деньги и мать родную продадут, не то что родину! А сколько налогов они не платили в бюджет, притом такой у них был товарооборот! Такая уверенность сложилась у меня в процессе моей деятельности. Я находил клиентов для покупки текстиля из регионов, и каждый год они меняли название фирмы и хозяина-забуддыгу, причем офис, руководящий состав и работники оставались прежние, если не были дураки. Управляли страной и не кормились, а именно настоящие патриоты поняли давно всю эту схему. Сколько было таких фирм! Китайские, индийские, из арабских стран — итого несколько десятков тысяч! Это была одна из причин, почему несколько лет родная страна не могла платить своим пенсионерам.

После нескольких ни к чему не обязывающих комплиментов Наташе я ушел. На следующее утро она позвонила и сказала:

— Предложение г-ну Ашоку понравилось, он назначил встречу на 16.00.

— С меня причитается, Наташа, хороший подарок.

Настроение было на 50 из 100.

Быстро положил трубку и набрал номер Степана Константиновича. На том конце провода веселым голосом меня поприветствовала секретарь-референт:

— Степан Константинович просил: приезжайте в наш офис, а потом совместно составите ваш график.

— Хорошо, через час я буду у вас.

Медленно я пошел в сторону метро «Электровзаводская» — это минут 35 пешком, торопиться не было смысла. Когда еще он придет? Сказала: в обед — приедет после обеда. В киоске купил «МК». Я его читал и читаю, когда ни о чём не хочу думать. Пока доехал, прочел все сплетни и отгадал часть кроссворда. Как я и предполагал, Степан Константинович пришел после обеда. Я успел прочитать всю газету и выпить две чашки чая.

Он пришел на папахах, устроился напротив меня, подвинул поближе вентилятор и попросил секретаршу принести стакан холодной воды. Жадно глотал жидкость, пот с лица пошел ручьем. Через десять минут он восстановился и спросил:

— Когда они нас ждут?
— Разве секретарша не сказала? — вопросом ответил я на его вопрос.

- Сказала.
- Ничего не изменилось, всё остается по-прежнему.
- Вместе поедем или по отдельности? Я предпочитаю вместе.
- Согласен, — сказал я.

В условленное время мы были у индусов. За переговорным столом, кроме г-на Ашока, сидели еще двое; я их не знал, они общались по-английски. Как положено цивилизованным людям, поздоровались. Вошел переводчик. Сторона покупателей еще долго перешептывалась. Наконец г-н Ашок начал:

— Это мои деловые партнеры, — и представил их, — ваше предложение очень заинтересовало их, они проездом из Индии в Англию и по этому случаю хотели бы переговорить с вами. Сразу перейду к сути.

— За этим мы и пришли, — почувствовал свою важность Степан Константинович.

— Мы готовы платить 100%-ную предоплату. Какой банк выставить TOP-25?

Степан Константинович без раздумий сказал:

— «Дженерал оф Люксембург».

Они переглядывались и одобрительно кивали.

— В таком случае, — г-н Ашок вызвал секретаршу, и я заметил, что заранее корректором были подчеркнуты номера и даты договоров и сертификатов. — Это всё следует проверять через канцелярию завода. Если подтвердится сегодня, (мы пили чай), — после подписания выпьем шампанское!

— Подтвердится, — никак не желая менять менторный тон, сказал Степан Константинович.

— Тогда мы станем хорошими партнерами на долгие времена.

— Я думаю, так и будет, — сказал «дядя Стёпа» (он хотел, чтобы так и было).

Жаль, нет прибора, чтобы измерить настроение человека; увы, нет и прибора, чтобы измерить подлость и безнравственность человека! Это было бы изобретением, достойным Нобелевской премии! Когда мы ушли от индусов, я парил в воздухе, а Степан Константинович даже не шархнулся.

Как ни было трудно, но я терпел, выдержал паузу и через два дня позвонил Наташе. Она сообщила, что после проверки всё подтвердилось и г-н Ашок сказал. Мы пошли к ним с подтверждением TOP-25. Когда я сказал это Степану Константиновичу, ни одна мышца на его лице не шевельнулась. Шло время; я каждый божий день напоминал о TOP-25. Он каждый раз отговаривался. Наконец через месяц у меня терпение лопнуло, я ему всё высказал в резкой форме, и он мне ответил с таким наивным видом:

— Как банк даст TOP-25, когда мои знакомые кинули этот банк на 200 миллионов долларов?

— Тогда не понимаю, какого чёрта ты так уверенно сказал «Дженерал оф Люксембург»?!

— Я хотел оттянуть время — может, и за этот период нашел бы другой банк.

— Заранее знал, что вариант проигрышный, но хотел, чтобы я бегал, так получается, что ли?

Он ничего не ответил; я наносил непоправимый удар его надменному имиджу. Такие вещи малодушные люди не прощают!

После этой неудачной попытки мы не перестали общаться: был ряд мелких сделок — для поддержания штанов. Были коммерсанты широкого профиля: они занимались и лесом, и редкоземельными металлами, и зерном, и водкой, и продуктами питания, и обувью и одеждой. А с какими светлыми головами пришлось встречаться! Бывшими генеральными директорами, генералами, даже бывшим командующим округом, докторами и профессорами! Бесценный человеческий материал пропадал даром, тем более если учесть, что у каждого из этих людей сердце болело за Россию! Сколько материальных средств было потрачено, чтобы их довести до уровня доктора! И всё из-за того, что один человек необдуманно считал, что он говорит и делает правильно.

Так мы работали, и однажды один мой приятель предложил мне алюминий из Таджикистана. Его двоюродный брат имел там хорошие связи с местными авторитетами, и они могли организовать продажу 7000 тонн алюминия марки «А-7». Наши отношения со Степаном Константиновичем опять стали приятельскими, он пригласил меня на день рождения; общались уже каждый день. Это предложение об алюминии в письменном виде я отдал ему. Он посмотрел, покрутил бумагу, хмыкнул и уверенно скомандовал:

— Едем!

Потом жизнь распорядилась так, что последние полтора года мне пришлось общаться с ним вплотную, и даже четыре месяца мы жили вместе, поэтому в моей памяти он остался навсегда. Я узнал всю его подноготную. Он мне рассказывал об этом в приватной обстановке.

С начала ельцинской эпохи стали мыслить быстро, алчно, было много новых идей. Многие стали заново изобретать велосипед, а наши правители копировали неудачный опыт поляка Бальцеровича, хотя родоначальницей приватизации была Тэтчер. Английское королевское казначейство разработало 23 способа приватизации, а наш «рыжий конопатый» бездумно копировал ваучер, надув тем самым и без того бедный народ. С той поры, с 1991 года, ни одна государственная программа не сработала, кроме секвестра бюджета, монетизации льгот и всевозможные антинародные жульничества. Построить дома, дороги, восстановить производство и промышленность — говорить говорили, а результата ноль. Министры и чиновники были заняты другим — устраивали собственный быт за счет ими же любимого народа.

Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости значительных успехов самостоятельно, в эпоху обвала человеческих ценностей гибли: духовно, морально, некоторые физически, как старые цапли на пруду, где давно нет рыбы. Вздыхали о прошлом. По тогдашним демографическим оценкам продолжительности жизни, мы со Степаном Константиновичем уже прожили больше половины своей жизни и за душой не имели ни гроша. В отличие от него, мне в жизни всё давалось тяжело — только трудом и моим стараниями. Рано, в 15 лет, я покинул отчий дом. Отрадная прелесть юности прошла быстро и незаметно, оставив в памяти лишь маленькую клетку. После восьмого класса я поступил в строительный техникум. Потом — советская армия: два года прошли незаметно. После армии поступил в университет. После окончания его началась стихия коммерции — бум, этот всплеск поглощал всех. Производство останавливалось, людей бездушно и бессердечно бросали на улицу. Не каждый мог найти себе место в новых «экономических условиях». Эти новые условия мотивировались тем, что при страшном товарном дефиците купил сегодня за десять рублей, а завтра продавал за пятнадцать. Если вовремя не вложил их в новый товар, страшная инфляция съедала всю прибыль, денежная масса росла, покупаемая способность рубля падала. Немногие тогда понимали эту

элементарную истину капиталистического способа, хозяйствование. И мне так и не пришлось поработать по профессии, как и многим моим сверстникам: всем почему-то хотелось быть менеджерами, брокерами и «крекерами». Некоторым — вообще «квакерами»: евангелистами, свидетелями, адвентистами и прочее. Беда одна не приходит: квакеры и всевозможные их разновидности — это другая напасть, свалившаяся на наши головы. Всё рассчитано на человеческую слабость — искать утешение в неизвестном.

На поприще коммерции первые деньги я заработал после продажи компьютеров IBM «желтой сборки». Дальше — продукцией местной промышленности, которая доживала свои последние часы: бензопилы, электропилы, электродрели и что попало. В эпоху дефицита всё продавалось с быстрой скоростью; приезжали поляки и всё хватали. Деньги как быстро приходили, так же быстро и тратились. С одной стороны — инфляция, с другой — непонимание того, что этот процесс не вечный, и всё имеет свое начало и конец. И после развала сверхдержавы — крики и вопли Горбачёва повернуть экономику лицом к человеку, так как до этого она стояла задницей. Подняли железный занавес — и в страну шквалом хлынули все прелести западной цивилизации, вихрем пронесся товарное наводнение! Госструктуры, которые сидели монополично на дефиците, терпели крушение, а ловкачи из этой структуры, имея связи за рубежом, создавали новые структуры. К моему счастью, один знакомый предложил работу в магазине — у него была сеть магазинов. Я трудился рьяно, не покладая рук.

Так проработал два года, пока знакомый не попал в неприятную ситуацию. Его сын играл в карты с «братками» (эти обычно играют краплеными картами) и проиграл большую сумму. Такие, как они, считают, что долг чести не прощается, — и поставили на «счетчик».

Мой знакомый вынужден был продать часть своей «империи» — магазин и ларек. Остался один павильон, и он с семьей работал в этом павильоне. Человек двадцать остались безработными. А я стал «воздухогоном», пока не познакомился со Степаном Константиновичем.

Посла распада СССР Таджикистан стал для нас тридевятьземельем, где управляет местный эмир или хан. Эта коммерческая командировка, при успешном завершении, решала много личных вопросов: квартира, машина и собственное дело. И конечно, личная свобода — ты и налоговый кодекс!

4 октября 1995 года мы сели в самолет в аэропорту Домодедово. Три с половиной часа лёту — и самолет в 20.30 произвел посадку в аэропорту города Душанбе. Потом нам объясняли, что Душанбе переводится как «понедельник». Личное местоимение «ду» по-немецки тоже в единственном числе, втором лице означает «ты». После полной остановки двигателей подали трап. Открылся люк, и с обеих сторон трапа стояли таможенники — первый признак «независимого государства». Хотя и ныне по ряду признаков это государство не самодостаточно.

Пассажиры, как всегда толкаясь, рванули к выходу. На выбор стали проверять документы и отпускать. В самолете я и Степанов сидели в разных местах — я с правой стороны, он — с левой и впереди меня. Он выделялся: даже при огромном количестве пассажиров его огромная масса внушала уверенность и удивление у большинства. Надо было соединить трех таджиков, чтобы получился один Степан Константинович! Он подошел к выходу, и таможенник попросил его документы. Степан отдал ему паспорт, повернулся лицом назад и взглядом стал искать меня. Наши взгляды встретились, и я впервые увидел страх в его глазах, хотя не произошло ничего эдакого — всего лишь обычная процедура или формальность. Чтобы люди не сказали, что таможенники даром хлеб едят! Таможенник попросил его пройти с ним; они спустились и остановились возле трапа. Я тогда не понимал, а теперь, по истечении времени, представляю его душевное состояние: давление — 220–300, температура — 44 градуса, пульс — 0. По-другому не могу описать, когда подошел к ним и посмотрел в его лицо. Увидев, как его повели, расталкивая остальных, я рванулся к выходу — узнать, в чём дело. С паспортом в руке я прошел мимо второго таможенника, который на меня даже не обратил внимания. Спустился с трапа, подошел к ним и вежливо спросил:

— Что случилось? Мы вместе.

— Не знаю, начальник сказал, его здесь ждать, — смущенно ответил таможенник с местным акцентом (мне показалось, или это были первые впечатления: голос немножко выражал удивление).

Хотя это мы должны были удивиться.

Движением большого и указательного пальцев я незаметно показал Степану Константиновичу: «деньги хотят, готовь маленькие купюры». По сравнению с Москвой, здесь по-летнему тепло: +25 градусов — пот ручьем тек по лицу Степанова. С трапа сошел последний пассажир,

и за ним гордой походкой и с петушиным самодовольством спускался начальник смены. Он поравнялся с нами и сказал:

— Пройдемте со мной.

— Зачем? — спросил я.

Уже к этому времени у Степанова цвет лица и дыхание восстановились. Он немножко пришел в себя.

— На досмотр, — твердый в своем желании, сказал начальник.

— У нас всего один дипломат и документы, — собравшись с духом, сказал я. — Ничего компрометирующего у нас нет. — Степанов за нами не успевал. — Давайте немножко помедленнее — мой товарищ не успевает.

Таможенник остановился и, видимо, понял: деньгами тут не пахнет — не те пассажиры.

— По какой причине вы приехали в республику?

— Почувствовал, что конец близится, — ответил я уверенно.

— Приехали в алюминиевый завод в командировку — мы еще часто будем мозолить друг другу глаза.

После этой короткой беседы он вернул Степанову паспорт и еще говорил нам напутственные слова, а мы в ответ, когда отошли на несколько метров, — семиэтажных ядерных матерных слов на здоровье! Пришлось вспомнить его близких и родных женского пола. Вот так началось наше знакомство с Таджикистаном.

За оградой аэропорта, метрах в 15–20, была троллейбусная остановка. Такое я видел впервые. Я раньше часто ездил в командировки в разные города бывшего Союза, но чтобы аэропорт находился в городе — не видел. Второе впечатление тоже удивило.

Было уже поздно. Надо было отдохнуть, а завтра — уже конкретно заняться делами.

Как правило, быть откровенным не каждый сможет, и на мой вопрос: «Почему так растерялся» (хотя хотел сказать «струсил») Степанов ответил:

— Неожиданность! Подумал: хотели подбросить наркотики, — стал оправдываться он.

Отцовская профессия на генетическом уровне давала побочный эффект. Видимо, в свое время отец дома много рассказывал, как арестовывали невинных людей и вымогали деньги, и у него в сознании

осталось, что каждый контакт с органами милиции чреват последствиями. Каждая такая встреча действовала на него дурно.

Его ответ не удовлетворял ни его самого, ни тем более меня.

— По идее, в Москве должны подбросить наркотики, когда будем возвращаться.

Такие ошарашенные глаза я видел впервые. Так сильно можно бояться, когда знаешь, что через секунду будешь смотреть на Медузу Горгону! Инцидент забыли, но аналогичная история повторилась через месяц. Около 21.00 вечера мы с Пашей вышли из гостиницы и отправились на почту, где находился переговорный пункт, — это в 150 метрах от гостиницы. Мы отсутствовали всего 25 минут. Когда вошли в номер — я увидел уже знакомую мне картину: страх одолел Степанова целиком! Он сидел без рубашки, в трико, пот с него лился ручьем, цвет лица бледный... Точно он сбросил пять килограммов лишнего веса.

— Что случилось? — спросил я, не понимая, что может за такой короткий срок произойти и отчего он так сильно испугался и волновался.

— Пришли двое...

— Так, — перебил я его, — и что хотели?

— Показали удостоверение, были сотрудники 6-го отдела и спросили: Кто? Откуда? Зачем? — необычным, виноватым голосом бормотал он.

— Ну и что? — возмущался я. — Не мог показать командировочные документы, доверенность? Ничего особенного не произошло, — убавил я свой пыл, стал успокаивать, поняв, что зря повысил тон. — Наверное, периодически администрация передает информацию о проживающих — это их работа. Как-никак, в республике еще действует комендантский час. Ты, главное, так близко не принимай к сердцу! Паша, сделай кофе! И в холодильнике есть половина торта.

Мы медленно отправились в сторону таксистов. Они здесь, как и везде, сами напрашивались, перехватывали клиентов друг у друга и часто ругались. Машины были в основном не первой свежести и советского производства, часто попадались старенькие «копейки» и иномарки. Болтливых и заносчивых не люблю, даже терпеть не могу. Меня уговорил молодой худощавый таджик по имени Мирзо. У Мирзо была старенькая «копейка». Мы попросили его, чтобы он отвез нас на почту или переговорный пункт. Встречающие не знали о нашем приезде, мы опоздали на неделю, пока в Москве утрясли кое-какие неотложные

дела. Потом, как выяснилось, в аэропорту нас ожидал большой прием, со всякими почестями. Время было позднее, и почта не работала, город вымер, а администратор гостиницы «Таджикистан», толстозадая женщина, не разрешила воспользоваться телефоном. По номеру телефона Мирзо определил район, где проживал Паша, и быстро сообразил, что на пути в диагностический центр находится АТС. Подъехали к АТС — закрыто; он стал стучать в дверь, и я впервые увидел, какую заботу проявил человек для незнакомых. Подошел дежурный, Мирзо ему объяснил ситуацию, и тот без нареканий дал нам разрешение позвонить. Трубку поднял Паша — удивился, когда я сказал, что звоню из Душанбе; он стал объяснить мне, как проехать к ним. В незнакомом городе, ночью, когда нигде ничто не работает и на улице никого нет. Я передал трубку Мирзо. Он окольными путями, мрачными и темными улицами довез нас по адресу. Возле подъезда нас встречал Паша. Потом так сложилось, что Мирзо эту роль выполнял несколько раз, когда Степан Константинович возвращался в Душанбе из Москвы после консультации.

В ночном мраке мне не довелось хоть чуть-чуть разглядеть город — ведь освещались только центральные улицы, а вся остальная часть города была под властью экономического кризиса. Невооруженным глазом можно было увидеть, что у магазинов и ресторанов, даже самых шикарных, отсутствовало ночное рекламное освещение, а если где и горели неоновые рекламные лампы, то они напоминали советский стандарт и советское время.

Следом за Пашей мы поднялись на второй этаж трехэтажного дома. Как они сказали, хозяева-армяне, врачи, продали двухкомнатную квартиру в начале 90-х и уехали во Францию. Квартира смотрелась очень даже ничего. Ремонт был сделан со вкусом, но десять лет назад, и квартира выглядела торжественно. В гостиной на всю стену были фотообои: там был изображен горный ручеек, падающий вниз между двумя большими глыбами, а зади — лесистые горы. Перед панно стояла тумбочка и на ней — моноблок производства «Айва», несколько видеокассет и один стул — вот и вся мебель. Несколько матрасов, одеяло, подушки и белье — вся утварь. Кухню и туалет Паша с товарищем Георгием за шесть месяцев успели изгадить. Хозяева жили, наверное, богато — все окна были с сигнализацией.

Паша самодовольно сиял перед нами. Он обладал высоким ростом, плотным телосложением, сединой не по годам — в общем, галантный кавалер. Короткая стрижка «под ежик», как у корейцев — когда волосы не подчиняются воле хозяина и бесполезно их поправлять расческой. Такая прическа всегда напоминала мне металлическую проволоку, лишённую эластичности. Под толстыми очками я не мог хорошо разглядеть его глаза. Паша производил впечатление человека высокообразованного, умного и знающего. Когда он смеялся, то выглядел моложе своих лет. Жизненный рубикон уже прошел. С серьезным лицом Паша выглядел старше — может, поэтому старался всегда смеяться. В его спортивном телосложении скрывался легкоатлет-спринтер.

После «официальной» части приема мы перешли к трапезе.

На полу постелили «скатерть-самобранку» (предварительно объяснив, что это называется достархан). Положили на нее хлеб, фрукты, сыр, зелень, «Русский стандарт» — 0,5 литра. От шурпы мы отказались. Уже за полночь, и много есть вредно — как потом спать! Да и жарко... Тут возникло первое неудобство со Степаном Константиновичем: с каким он трудом делал телодвижения, одному ему известно! Мы-то видели. Все еле удерживали смех над чужим пороком, чтобы не ставить его в неловкое положение, не превращать в предмет для осмеяния. Во время еды Паша часто пропускал рюмочку без тоста, сам себе наливая. Почему-то в голову пришла сумасбродная мысль: воля и разум в нём живут отдельно. Рассказывал короткие умопомрачительные истории, где он — вечный герой, странствующий путник, донжуан.

Было уже поздно, пора было идти спать, и тут я решил использовать право последнего слова и рассказал старый, пыльный, советский анекдот: «Пришел на пляж крепкий мужик, разделся, сложил одежду, оставил на ней записку: "мастер спорта по боксу" и пошел купаться. Через пять минут подошел второй мужик, посмотрел по сторонам, взял одежду и оставил записку: "мастер спорта по бегу". Все поняли, в чей огород был брошен камень.

Ужин прошел под общими ознакомительным фразами; каждый из нас старался проявить остроумие и находчивость — ну точь-в-точь КВН! Через час завершили ужин, настала пора спать. Сказав «а», я должен сказать и «б», но случился второй казус: когда стелили постель. Степанов сел на единственный стул (он вспотел, как после

парилки в русской бане). Настало время второй раз совершить мучительный процесс — лечь на постель опять на полу (кюрпаче). «За что такое издевательство!» — подумал я и вышел из комнаты, чтобы не видеть, как он снова это делает. Человек по мере своих сил проявляет физическую активность до конца своей жизни, ибо то, что регулярно не упражняется, отмирает. У Степанова процесс отмирания прогрессировал: он не хотел сделать лишнего движения. Лени подчинила его волю себе.

Взаимоотношения людей — очень сложная вещь. В начальной стадии знакомства отношения еще не подпорчены неурядицами, и общение бывает теплым и дружеским и остается таковым, если выдерживает испытание временем.

Легли. Вдоль стены постелили мне и Паше, напротив — Степанову, а Георгий спал в соседней комнате. Не самые комфортные условия, но в моей жизни было и хуже. Чувствуется: никто не спит, каждый для себя анализировал, переоценивал будущего бизнес-партнера.

Молчание нарушил Степан Константинович. Тяжело ворочаясь, он сел и стал упорно безадресно материться, а после, чуть успокоившись, сказал невнятным просящим голосом, как ему неудобно и что он не может лежать. Ситуация патовая: время час ночи, на улице комендантский час. Не слышны даже звуки патрульных машин. Пошли бы в гостиницу — и проблема решилась бы сама собой! Паша встал, включил свет и пошел в соседнюю комнату; они с Георгием переговорили, тот переоделся и вышел из квартиры. Через пять минут вернулся с женщиной славянской внешности. Она проживала на третьем этаже; ее муж, водитель-таджик, имел вторую жену в далеком кишлаке и отсутствовал иногда неделями. В это время ее постель согревал Георгий. У них мебель была на европейский манер: кровать, стол, стулья, диван. Одним словом, всё тип-топ. Для Георгия сложилась ситуация проводить дежурство вне графика — проводить ночь с возлюбленной. Наверху они приготовили постель.

Когда Паша сказал, что на третьем этаже постелили постель для Степанова, как последний обрадовался! Он медленно оделся и в сопровождении Георгия пошел в желанную «опочивальню». А мы с Пашей еще час говорили, пока сон не вступил в свои права. Даже раздражающий звук пикировавших на нас комаров не действовал. В дальнейшем,

сколько с ним ни общался, я старался быть предельно внимательным и сдержанным, не позволяя оплошностей. Он, как маг, всех подчинял своей воле.

Было восемь утра, когда я открыл глаза, Паша и Стёпа, уже одетые, допивали кофе. Эта картина повторялась всегда: оба вставали рано, я же вставал поздно — это моя слабость. Видимо, они хорошо освоили поговорку: «Кто рано встает, тому бог дает». Но кроме употребления кофе и раскуривания нескольких сигарет, они больше ничем не занимались — не знаю: за это тоже бог дает? Такая малость — всего-то рано вставать! Я по утрам не завтракаю, поэтому быстро умылся, оделся и через десять минут был готов присоединиться к ним. Паша пошел ловить машину для поездки на алюминиевый завод, который находился в 60 километрах от Душанбе, а Георгий отправился сообщить о нашем приезде людям, которые неделю назад организовали для нас банкет и лоббировали за деньги наши интересы. Паша сказал, что они бывшие сотрудники 6-го отдела. Возле подъезда нас поджидала машина Степанов с трудом устроился на переднем сиденье, а мы втроем — сзади. По дороге, не доезжая до цирка, свернули к зданию таможенного комитета, высадили Георгия, чтобы он пошел к Амону, занимавшему должность начальника налоговой полиции района.

Ослепительное осеннее солнце всё и везде подчиняло себе. Сплошная цепь величественных гор, сверкавшая под лучами солнца, опоясывала город, и на вершинах гор лежал необычно белый, чистый и светлый снег. Вокруг было темно-синее небо без единого облака. Красиво и торжественно!

На выезде из города стоял усиленный милицейский и военный пост: БТР, танк и два милицейских патрульных автомобиля. Гаишник остановил нашу машину. Водитель, не выходя из нее, объяснил, что это гости и они приехали на алюминиевый завод. Слово «гости» подействовало молниеносно. Гаишник жезлом показал: мол, продолжайте движение; наши документы даже не смотрели. Мы привыкли, что люди гибнут далеко, но здесь всё это было рядом. В Москве это абстракция, а здесь — конкретика.

Поехали дальше. Осень. Цветовая гамма, палитра и колорит. Высохшая трава — отсутствие воды было заметно сразу. С правой стороны — виноградники и фруктовые колхозные сады, а с левой простиралась

богатая Гиссарская долина. Впервые я видел хлопковые поля, и уборка урожая была в разгаре: дешевый рабочий труд и полное отсутствие сельхозтехники.

Душанбе находился выше над уровнем моря, чем Турсунзаде (Турсунзаде — это новое название места: после смерти поэта Турсунзаде, жившего в городе Регар, его переименовали в духе соцреализма). Внимательный глаз увидит это без труда. Дорога незаметно шла всё время вниз и напоминала обычное «направление», но не важнейшую артерию межреспубликанского сообщения. Это дорога вела прямо в Узбекистан. Доехали до моста, где дорогу искусственно сужали: из двусторонней сделали одностороннюю — фундаментными блоками; здесь был очередной блокпост. Опять стояли БТР, милицейская патрульная машина и помещение для патрульных. Нас не остановили.

Обгоняющих машин за час езды почти не было, а встречные попадались очень редко, иногда мелькали автобусы с явными признаками того, что с бензином в республике кризис. На крыше сварены несколько газовых баллонов, и были это в основном «Икарусы» старой модели, «ПАЗы» и «ЛИАЗы». Дорога была пуста, что позволяло водителю ехать с большой скоростью.

Новый ландшафт, новые строения и климат пленили нас незаметно: мы не замечали, как этот час стал историей. Уже виднелись высокие трубы завода, и чем ближе — тем внушительнее. Этот завод был одним из последних, построенных советской властью, до перестройки, совместно с французами. В период перестройки и до наших времен всё только разворовывали — вандалы не строят. Французы поставили современное оборудование и современные технологии — по внешнему виду завод выглядел новым и свежим. В течение более чем десяти лет функционирования он так и не вышел на полную проектную мощность. Бывший министр цветной металлургии Ломако так и не успел насладиться своим детищем — перестройка поставила большой крест на его судьбе и карьере.

Город Регар с его расписными ларьками напоминал городишко, и увиденное не обмануло мое представление о Средней Азии. Вдоль дороги стояли торговцы — кто во что горазд: торговали кто фруктами, кто лепешками, кто бензином в трехлитровых стеклянных канистрах. Бензин был очень низкого качества, что выдавал цвет в банках — он был смешан с «ослиной мочой». На ишачьих повозках, в националь-

ных одеждах, люди торопились на рынок — продавать плоды своего труда. Тик-мик, базар-вокзал в Регаре соответствовал действительности: тут всё на одном пяточке: базар, вокзал, самый шикарный ресторан, автовокзал. Стихийная валютная биржа и биржа труда. Тут люди занимались носильщиками со своими повозками, и всё это — у подножья памятника вождю революции. Именно в Регаре пользовались четырьмя валютами: таджикские и российские рубли, «американские рубли» и узбекские сомы. Востребованность узбекской валюты объяснялась двумя факторами: населением в своем большинстве были ферганские узбеки, они преобладали над русскими и таджиками, да и граница была рядом. Таджикские рубли были маленькими копиями советских рублей в эпоху развитого социализма: вместо советского герба — герб и флаг Таджикской республики и, конечно, надписи на таджикском языке. Паша поменял 100 долларов (потом мы нередко пользовались услугами частных менял). Поехали на квартиру врача ЛОР, который, как и все, занимался бизнесом, помимо своей прямой профессии. Подъехали к дому, где проживал врач. Я и Степанов вышли из машины; он посчитал, отдал деньги Паше, а тот, в свою очередь, пересчитал их и передал водителю. Мы поднялись по ступенькам, и вдруг Паша сзади подбежал и неуверенно сказал:

— Водитель! Пидор! Поломал деньги и говорит: тысячи не хватает!

— Я посчитал, всё было точно, ты их тоже пересчитал и ничего не сказал, — ответил Степанов.

— Я о том же, а он говорит: «не хватает».

— Ладно, не будем позориться, возьми, — Стёпа из кармана достал две красные пятисотки и передал Паше.

Мы со Стёпой многозначительно посмотрели друг на друга, но ничего не сказали — осадок и сомнение остались.

Зашли в квартиру. Напряженные глаза говорили сами за себя: нас не ждали, и вскоре выражение лица сменилось с удивления на скрытый восторг — оказывается, здесь нас ожидали очень многие в надежде на дальнейшую работу с нами. Это Паша перестарался — волну гнал. Мебель в квартире отсутствовала. В гостиной на тумбочке стоял телевизор «Родстар» производства алюминиевого завода, стол лет тридцати, два стула такого же возраста или чуть помоложе и одно полусломанное кресло. В спальне была двуспальная кровать, в углу — гладильная доска и утюг. Детская комната была самая убогая — почти пустая, если

не считать сложенный в углу матрац, одеяло и постельное белье. Врача звали Лёня. В начале войны он всю мебель отправил контейнером к родным в Краснодарский край. Но не дошло туда почти ничего, кроме сломанной мебели — всё остальное по дороге разворовали. Он вернулся опять в Таджикистан вместе с сыном, студентом Душанбинского медицинского института; жена и дочь остались в Краснодарском крае. Лёня пользовался здесь уважением у населения, у крутых и кривых. Но за такие операции в Таджикистане говорили «спасибо», а в Москве брали не меньше пяти тысяч долларов.

Обменялись несколькими любезными словами. Сразу принялись обсуждать возможности, какими они владели. Выяснилось, что знакомый Лёни работал в министерстве экономики начальником отдела. Это на нас произвело впечатление: к тому времени мы не располагали информацией, касавшейся правительственной лестницы, — кто имеет реальную силу в республике. Следующим вариантом оказался местный бизнесмен, который находился в тесных отношениях с руководством завода и раньше имел кооператив по переплавке алюминиевого лома.

Целью нашего приезда было не любым путем покупать и перепродавать алюминий, а наладить нормальные деловые отношения с руководством завода и местными деловыми кругами. Не встал вопрос третировать, и мы решили немедленно тет-а-тет пообщаться с Нигматом. Начальник отдела Минэкономики и Нигмат были друзьями и тезками. Лёня по телефону никого не нашел, но оставил информацию, чтобы с ними немедленно связались.

Глава II

Мы долго вели ознакомительную беседу в дружеской обстановке. Так увлеченно говорили, что спорить не хотели, не делали замечаний собеседнику. Молодое вино, как сваха, подыгрывало нашему настроению. После принятия на грудь двух граненых 200-граммовых стаканов оно наполнило душу весельем; я воздерживался и стал больше слушать, чем принимать участие в разговоре.

В послеобеденное время, когда мы еще не обедали и собирались выходить, раздался звонок в дверь. В квартиру вошел голубоглазый Нигмат, кооператор. Это был коренастый человек со светлым лицом, и в дальнейшем судьба так распорядилась, что он стал моим попутчиком и верным другом.

Паша подшофе предавался маленьким шалостям. Степан Константинович сидел с кажущимся преимуществом над остальными, и когда попросил вентилятор, начался переполох: они не знают, где, но откопали его. У меня сложилось впечатление, что попроси Степан Константинович опахало — хоть из-под земли, в эту же минуту нашли бы! Такое господствующее положение его окрыляло и давало новый дополнительный импульс и заряд. Паша под воздействием вина, в ударе, рассказывал анекдоты, я ему аккомпанировал, так как сам любил их рассказывать и ценил тонкий юмор.

— Куда рекомендуете пойти обедать? Здесь есть вообще приличное заведение, чтобы пойти по-человечески отдохнуть? — спросил Степан Константинович, напомнив о своей важности.

— Сахайат!!! — одновременно воскликнули Лёня и Нигмат.

Паша, полупьяный, головой подал знак согласия.

— Лучше в австрийское кафе, там всегда холодное пиво, — вмешался в разговор уже дошедший до кондиции Паша; вино почти нокаутировало его.

— Да, жарко — пиво будет в самый раз, — подтвердил Степан Константинович.

— Это удобно, и гостиница рядом, — своим согласием Лёня завершил дебаты.

С приподнятым настроением мы медленно стали спускаться. Прямо у входа в подъезд стояла белая новенькая «шоха». Нигмат открыл двери машины, Степан с трудом уместился на переднем сиденье — машина перекосилась, незаметная улыбка пробежала у всех по лицу и так же быстро исчезла. Как можно! На заднем сиденье я, Паша и Лёня еле-еле уместились. Не успели поудобнее занять положение, как уже приехали!

Кафе, даже по московским меркам 95-го года, выглядело современным, да и австрийцы при всём желании, даже если бы сильно захотели, не могли бы сделать хуже. Пиво варили прямо в кафе. Вдоль стены были неподвижные кабины П-образной формы, лавки с двух сторон и посередине — стол. Мебель была сколочена из белого дерева и расположена в два ряда в зале. И было предостаточно свободного места для танцев. Мы расположились под кондиционером; кроме нас в кафе развлекались еще несколько посетителей. Остальные столики были свободны. К нам подошла официантка. Кроме пива, мы заказали жареную картошку с котлетами. После ухода официанта Степан Константинович заметил:

— Немцы пиво пьют с сардельками, французы — с креветками, японцы — с суши...

— А Паша — с водкой, — добавил я.

Я хотел дать понять Паше, чтобы он ограничил принятие спиртных напитков; так часто бывает, что первое впечатление оказывается определяющим в составлении мнения о человеке. Его рекомендовал я. Паша несколько не смутился и во всеобщем смехе умело и ловко находил словесные реверансы и отводил всеобщее внимание от себя.

Нашу беседу прервала официантка: с одного раза на двух подносах она сумела принести пять кружек пива, тарелку хлеба, два овощных салата и пять блюд. Пиво мне не понравилось — горчило; приборы и тарелки были жирные. Ели молча. Степан и Паша заказали по второй кружке пива, а я вышел на улицу.

В начале октября солнце всё печет. На улице, как и раньше, я замечал почти на каждом шагу уличных торговцев. Подошел к голубоглазо-

му блондину, который продавал семечки и местные фисташки в виде бисера (они тоже мне не понравились — кожура толстая и крепкая, трудно колоть, а сам орех маленький. Привыкший к немецким и голландским, я за свое пребывание здесь их больше не покупал). Не столько сами фисташки, сколько меня поразили сам продавец и акцент в его ломаном русском языке. Я думал, что он русский, но вышедший из кафе Нигмат на мой вопрос «кто он по национальности?», не колеблясь, ответил:

— Таджик, памирец, — и стал с ним говорить по-таджикски, и продолжил: — Еще до гражданской войны памирцев называли фашистами. Так сложилось.

Это загадка природы или исключение из правил этногенезиса. Каждая загадка имеет свои разгадки и гипотезы. Их внешний вид не мог не вводить в смущение: каждому приезжему дилетанту, который узнавал бы, что они таджики и говорили по-таджикски, они сломали стереотипы: человек славянской внешности говорил по-русски на ломаном азиатском диалекте! Памирцы обычно высокие, со светлыми волосами, часто блондины, глаза у них преимущественного голубого цвета. Одним словом — европейцы, а может быть, и по происхождению. Они соответствовали тем арийским критериям, которым должны были соответствовать потомки Зигфрида, по антропологическим стандартам Третьего рейха, но по быту и нраву и по религиозной принадлежности они были азиатами. Памирцы вполне могли быть предками остатков армии Александра Македонского после похода в Индию. Несколько веков до появления на свет великого завоевателя дарийские племена заселяли южную часть Греции, Спарту, центральные районы Рейна. В определении «фашист», наверно, есть доля правды, так как на пустом месте даже кактус не растет.

Компания в составе Лёни, Паши и Степана с веселым шумом вышла из кафе; мы сели в машину и поехали в гостиницу, что была в 600 метрах от кафе. Вошли в фойе: просторное и светлое, с левой стороны — администрация. Пятиэтажная гостиница почти пустовала и была заселена на две пятых: это были в основном командировочные заводы и оптовые закупщики овощей и фруктов из Узбекистана.

Мы сняли два номера: один двухместный люкс и один обычный номер, тоже двухместный, на первом этаже. Номера 104 и 108. Гостиница была построена по типовому проекту советских времен: «система

коридорная», но уборная была в каждом номере. Не успели отойти от администрации на три шага, как со Степаном Константиновичем начало происходить нечто странное: лицо искривилось, он полностью видоизменился! Все стали суетиться, чуть не ли не на руках носить такую массу! Благо номер находился рядом! При всеобщем замешательстве старая горничная стусевалась на момент, может быть, всего-то на 15 секунд, но всем они показались длиннее обычного! Всеобщая суэта перешла в панику, ее подогревали излишнее усердие, советы и забота. Лицо Степана побледнело; не знаю, они догадывались, в чём дело, или прикидывались перед «магнатом». Но у меня улыбка не сходила с лица. Увидев мою улыбку, «дядя Стёпа» закричал:

— Что смеешься, помоги!

— Чем я тебе помогу?

— Человеку плохо, так нельзя, — тут как тут записал баллы в свой актив Лёня.

Старая женщина наконец-то открыла дверь, и все быстро, хором рванули в номер, как будто там скрывался особо опасный преступник. Искали на самом деле туалет. Случилось то, что должно было случиться. Степанов в квартире Лёни скушал не менее трех килограммов винограда, выпил около полутора литров вина и столько же воды, а две кружки холодного пива завершили начавшийся процесс: хотел пукнуть, но обосрался...

— Меня волнует одно: он успел снять штаны? — сказал я, не меняясь в лице.

Через полчаса он вышел из туалета, а остальные в это время тихим, сочувственным голосом выдвигали свои версии. Первенство принадлежало Лёне, хоть он был и врач ЛОР: почему-то никто не сказал, что Степанов просто переел, перепил, и в результате — понос. Эту версию обходили и грешили на расстройство желудка, непривычную жару, резкую перемену климата и воды и выдвинули столько медицинских и околонуучных версий, хотя эхо, исходящее со стороны туалета, говорило о куда более простой причине...

Как заходишь в номер — с левой стороны видишь массивный трехстворчатый шкаф шоколадного цвета — для белья и верхней одежды, а сделав шаг вперед и направо, видишь дверь в ванную комнату. В конце ее вдоль стены была обычная, советских времен, чугунная ванна, от которой ближе к входной двери — умывальник и большое зеркало,

унитаз, биде, а в стене — сушилка и четыре полотенца. Гостиная небольшая: слева в углу стоял холодильник «Памир» местного производства, бесподобного качества, он уже отслужил двенадцать лет и за всё мое проживание в течение полугода ни разу не отказал. Вдоль стены — два кресла, между ними журнальный столик; возле второго кресла, ближе к окну, стоял торшер. В противоположном углу, на подставке — телевизор «Рубин». Он стал членом нашей компании, потом мы заменили его на «Родстар» — телевизор местной сборки. Алюминиевый завод получал комплектующие, а сборку и регулировку производили на месте, и стоило это очень дорого — целых 400 долларов! Столько стоили в Москве такие телевизоры, как SONY, PANASONIC, PHILIPS!

Потом выяснилось, что телевизор мы почти не использовали: в республике транслировались всего две программы — первый канал ЦТ России и национальный с 18.00 до 23.00. Национальный канал мы не смотрели из-за языкового барьера, вдобавок передачи были низкого качества и неинтересные, всегда концерты и в 20.00 — обязательно старые советские фильмы. А по субботам и воскресеньям с утра — индийские фильмы.

Между телевизором и ночником было двухстворчатое окошко; в нём вместо форточки — кондиционер Бакинского производства. Кондиционер был хорошего качества, и от посторонних окошко закрывалось белым тюлем и краповой гардиной почти до пола. Именно такая гардина отделяла спальную комнату от нежелательных взглядов из гостиной, поскольку дверь отсутствовала. Проем размером в полтора метра, с левой стороны — сервант и в нём — посуда с национальным колоритом. С правой стороны стоял обеденный стол, который загораживал вход из спальни в ванную комнату. Две кровати: одна у окна, вторая у стены. У каждой кровати стояла тумбочка для личных вещей и на тумбочках — ночники. Над головой висели картины: то ли авангард, то ли кубизм, а может, модерн вперемешку с модернизмом — что-то непонятное, но точно не Ван Гог, скорее Вано и Гоги. Три окна смотрели на маленький внутренний дворик, где росли розы, разные другие цветы и декоративные кустарники. Всего несколько раз я видел, как рабочие гостиницы убирали мусор, в то время как жильцы верхних этажей любили бросать ненужные бумажки, объедки, коробки «за борт своей каюты».

После осмотра номера, который всем понравился, мы постарались продолжить прерванное обсуждение недомогания Степанова, чтобы угодить ему. Это напоминало сцену, когда три галантных кавалера ухаживают за одной уродливой светской дамой, а она кокетливо отбивается от ухажеров и требует, чтобы они это делали изящнее и деликатнее, ибо таково ее требование в соответствии с ее положением в обществе. Степанов, в свою очередь, отвечал взаимностью: притягивал, как магнит, привораживал и погружал слушателей в соблазняющий монолог о его серьезных намерениях и долгосрочных планах о совместной деятельности. Свой почерк он никогда не менял. Любил повторять, что его имидж дороже, чем деньги, и в этом он точно лукавил, а свой каждый час оценивал в 300 долларов, и почему так мало, я так и не понял. Его фразы действовали безотказно. Иногда, когда мы сидели за одним переговорным столом, его выдумки и интерпретации казались мне правдой. Я знал, что это не так, но верил вместе со всеми. Вдруг во мне стали прорезаться слова совсем непонятные, что стало для меня неожиданностью.

— Я дал распоряжение, чтобы в течение месяца закрыли мой офис в Роттердаме: я купил брокерскую контору на лондонской Бирже Металлов, — он сделал паузу, набрал в грудь воздуха и посмотрел на собеседников многозначительным и оценивающим взглядом, чтобы узнать, какое он произвел впечатление. Я, чтобы не оказаться вместе с остальными, ушел в ванную комнату — якобы справить нужду. Он не сменил тон и спокойно продолжил: — Поездка в Таджикистан — это одно из звеньев большой программы; потом Норильск и Красноярск. Создается концерн, где работа будет кипеть как пчелиный рой, и мне нужны на местах деловые, толковые люди для освоения региона.

Магнетизм речи достиг апофеоза и произвел на Нигмату и Лёню ошеломляющий эффект, аж дух захватывало! Они чуть дуэтом не крикнули: «Всегда готовы!» Еще минут пятнадцать они находились в состоянии аффекта: такая перспектива, такие возможности в жизни даются один раз! Тот счастливый час наконец-то наступил, и счастье само пришло к их ногам — ну не сон ли?

Разговоры в таком ключе, когда один говорил, много обещая, как на предвыборных гонках, а другие не то, чтобы от безысходности, а больше от впечатления, поддавались воздействию собственных желаний и о чём-то долго мечтали. Все поддакивали Степанову, и чтобы закрепить свой успех, он добавил:

— Я всю жизнь мечтал стать востоковедом, и вот наконец я приехал на восток в качестве бизнесмена! Еще Сухов заметил: «Восток — дело тонкое». Утонченный подход — мое кредо.

— Мы пойдем, вам отдыхать надо, — сказал Лёня.

Наконец-то сообразили!

Нигмат сказал:

— Я за вами подъеду в половину второго, я договорился с директором завода о встрече.

Как долго мы ждали эту минуту и облегченно вздохнули: они ушли и унесли с собой угнетающую обстановку. Мы стали делиться впечатлениями, что имели на данный момент. Завтра прием у директора, и второй Нигмат, бородач (потом мы его постоянно так звали), через министерство должен прибыть в министерский лимит для внешнеэкономической деятельности. Министерствам давали или хлопок, или алюминий. Третий вариант пока не проявился; это парни из шестого отдела, но пока их нет, однако Паша их так хвалил, что все наши надежды упирались в них. Степан достал из кармана деньги и отдал Паше, чтобы тот пошел и купил кофе, сигареты и сахар, а я попросил, в свою очередь, «Херши-Тоник». Я успел заметить, что курс российского рубля здесь намного дешевле, чем в Москве. Паша пулей вылетел и так же быстро вернулся. Толком не успели поудобнее сесть вокруг стола, как услышали стук в дверь. Я сидел ближе к двери и пошел открывать. У дверей стояли Лёня и два незнакомца; я предложил войти и пропустил их вперед. И услышал восторженный голос Паши:

— О-о-о! Кого я вижу! — водка и радость сплелись воедино. — Амон, Гари! Что так поздно?

— Когда Георгий мне сообщил во время совещания, я заново поднял вопрос. Искали советника вице-преьера, потеряли целый день и так его и не нашли. Мы на завтра записались на прием, после обеда, — сказал Амон.

Расплывавшийся в улыбке, когда говорил, немножко смущенный, со светящимися глазами, худощаво-костлявый, высокий, смуглый, с овальным лицом — ну типичный «латинос»! Волосы черные, прямые, зачесанные на левую сторону. Мне казалось, что он немножко смущается. Второй был вечно молчун, чуть ниже Амона, слова неохотно выговаривал; волосы длинные, лицо овальное. Оба были одеты в черные

брюки, шелковые китайские рубашки в темных тонах с короткими рукавами и летние туфли.

Помимо акцента, он во время разговора употреблял таджикские слова, и когда он задавал вопросы, то Степан Константинович смотрел на нас и быстро и точно повторял: если Амон говорил «хоб», он тоже повторял — «хоб», если говорил «майле», он повторял: «майле». Степан Константинович точно не понимал смысла и значения произносимых слов. Позже, когда мы общались с местными русскими, они также употребляли в лексиконе почти ничего не значащие слова, большинство употребляли их без повода. Разговор прошел в дружеской обстановке.

Во время разговора я успел предупредить Пашу и Степана, чтобы даже не пытались заикнуться о нашей встрече с директором — с нашей стороны поступок был бы некрасивым: мы приехали конкретно к ним. Договорились, что они все условия подтверждают, как и было раньше, и такой поворот объяснялся тем, что мы опоздали на две недели, а политическая обстановка в республике менялась день ото дня — министры, авторитетные политики теряли свой политический вес. Месяц назад Амон в течение одного часа подписал два договора, а сейчас он об этом только мельком упомянул. Он обещал дать нам исчерпывающий ответ. Мы вышли с ними вместе — проводить их. У входа гостиницы стоял годовалый «Гранд Чероки» зеленого цвета, Гари сел за руль, и они уехали.

Они внесли ясность в положение дел и насчет обстановки в республике. Картина стала проясняться. Должность вице-премьера была вполне подходящая и звучала вполне убедительно, и потом, как выяснилось, он был «черным кардиналом» в правительстве. Он в основном вел переговоры в Ашхабаде с оппозицией и почти целиком курировал внешние и внутренние экономические блоки вопросов республики. Теперь можно сказать, что первый день прошел плодотворно: мы прощупали пульс и дыхание наших будущих партнеров. В веселом расположении духа вернулись в номер, второй раз за сутки попрощались с Лёней — и теперь спокойно можно лечь спать.

Паша пошел в свой номер, а Степан развалился на кровати и спросил:

— Что думаешь?

— Что и ты, Стёпа, — я, когда мы были вдвоем, давно звал его так: — Самый реальный вариант — это Амон.

— Мне тоже так кажется: он ближе стоит к властным структурам. Я не связываю большие надежды с завтрашней встречей, но попытка не пытка.

Я продолжил его мысль:

— За спрос морду не бьют.

— Дай бог! Спать хочу.

— Я тоже. А Бога оставим в покое — и так у него столько работы, не стоит еще и нашу взваливать на него!

Я выспался хорошо, а когда открыл глаза, Степан и Паша уже успели выпить по кружке кофе и выкурить по полпачки сигарет. Пожелав им доброго утра, я неторопливо оделся, умылся. За компанию выпил кофе; говорили о том, о сём, и обо всём, что в этот момент лезло в голову, и незаметно от одной темы переходили на другую: о политике, об экономике, о бандитах, о переменах и царящем хаосе в Таджикистане, пока Степан не предложил пойти покушать.

— Не знаю, как назвать это: завтракать, или обедать — время-то обеденное, а мы еще ни в одном глазу. Паша, куда пойти? — я посмотрел на него.

— Рядом гостиничный ресторан.

— Плов есть? — спросил Степан.

— Здесь где плова нет! — со смехом ответил Паша. — На каждом углу, где кафе, плов — это первое блюдо. Среди местных есть такие, которые каждый день плов кушают.

— И не тошнит их, впрямь каждый день? — спросил я.

— Ну, везет дуракам!

Паша уговорил нас, и мы пошли.

Но произошел конфуз для Паши: плова не было! Довольствовались жареной картошкой с мясом (с необычным привкусом) и яйцами. Всезнающий Паша объяснил нам: тут всё готовят на хлопковом масле. Кукурузное, подсолнечное и растительное в обиходе не используются. Сперва масло сильно раскаливают, а потом на нём жарят, а масло изготавливается из семян хлопка путем прессования. Паше досталось от Степана — он как всегда оправдывался, никогда не признавал свою вину. Я никогда не поддавался и не поддерживал ту или иную сторону, хотя сказать, что был третьей стороной, — тоже неверно. В конфликтных ситуациях я всегда старался быть объективным и справедливым и не занимать чью-либо сторону.

От гостиницы до завода было пять минут езды; мы приехали чуть раньше. У заводууправления в цветочной аллее на каменном барельефе была высечена дата постройки завода — 1984 год. Торжественно открыл завод тогдашний министр цветной металлургии СССР Ломако, министр-долгожитель, министр-монстр. В то время министерство цветной металлургии было не менее мощным и громоздким в мировом масштабе, чем сейчас «Газпром». Нынешние руководители умалчивают о том, что расчленили на куски и раздали его «избранным», но точно не патриотам. Ровно в 14.00 в приемной у директора мы ждали «аудиенции». Встреча припозднилась, но состоялась. Низкорослый — полтора метра росту, — в туфлях, щупленький директор Уроков недавно занимал эту должность, Бывший, который работал до него и приносил славу заводу, Синани (грек по национальности), убежал в Москву в годы гражданской войны, после покушения на него. Директор вел себя неуверенно — «Федот, да не тот» — и, соответственно, предложил нам условия, выполнение которых от нас требовало намного больше времени и усилий. Он предлагал нам бартер: глинозем на алюминий, из Ленинградской области или из Украины, из города Николаев. Приехали обратно в гостиницу. Ни радости, ни досады, ни обиды и ни огорчения от этой встречи — ведь мы не делали большую ставку на нее. С нетерпением ждали, когда приедет Амон.

Они опаздывали, а мы с нескрываемой нервозностью ждали; казалось, время остановилось, а если и идет, то медленнее обычного. Среда была третий день, как мы в Таджикистане, и пока ничего утешительного, и ни одного звонка в Москву, а люди, кто нас откомандировывал, ждут от нас новостей. Пока нам нечего сказать. Восемь вечера, их пока нет, звонить некуда, домашний телефон у Амона всегда был отключен: он не любил по телефону делать дела, предпочитая личные встречи. Гул кондиционера изрядно надоел и раздражал; мы вышли на улицу; воздух раскален, и ни малейшего намека на ветер.

Перед гостиницей была большая территория от главной дороги, огороженная кладкой речного камня высотой в метр. Там были аккуратно посажены цветы и кустарники, и создавалось такое впечатление, что война прошла мимо. Это не так: во время войны наш номер был штабом. Мы сидели на скамейке у маленького фонтана, под кленом. Это место мы облюбовали и часто проводили здесь, на свежем воздухе, свободное время.

Сидели на скамейке и нехотя стали заново жевать затасканные темы политики, экономики, ну а где четверо мужчин — женской тематики не обойти. Это настолько надо быть женоненавистником или конченным импотентом, чтобы их не обсуждать! Паша был в ударе и забыл о присутствии других; каждый из нас столько лет прожил и без сомнения, тоже кого-то уговорил снять трусики. Он увлеченно впал в прошлое, его монолог прервало только появление долгожданного зеленого джипа. Мы все изменились в лице, даже не зная, с какими вестями к нам приехал Амон. Сам факт, что он приехал, — это уже что-то! Увидев нас, они торопливо подошли, и с детской, добродушной улыбкой на лице Амон поздоровался с нами и сразу перешел к делу, стал коротко и ясно излагать суть без вступительных слов.

— Мы сегодня весь день занимались нашим общим делом. Результаты таковы: условия не изменились, 30 % предоплата, TOP-25 со стороны завода, сроком на полгода, и как деньги поступают в счет завода в европейском банке, через две недели начинается отгрузка...

— Какой дисконт? — начал важничать Степан Константинович, перебив Амона.

Смысл слова Амон не понял и изумленно посмотрел на Пашу, тот, в свою очередь, на меня, и я пояснил, какая скидка от биржи. Амон оживился и сказал:

— Минус 10% от биржи.

Степан Константинович снова загнал в угол Амона:

— LME?

Ситуация повторилась во второй раз, и после разъяснения Амон сказал:

— Да! — сделал паузу то ли от неловкости, то ли от волнения. — Прежде чем подписать контракт, надо отдать сто тысяч долларов. Осилите?

Все с замиранием сердца ждали, что на это ответит Степан Константинович. Он тоже не ожидал, так как Паша об этом в предварительных условиях ничего не сказал. С другой стороны, это общепринятая процедура тех времен, а может, и сейчас это соответствует духу коррумпированной России, когда в конвертах и дипломатах передают деньги. Пауза длилась недолго,

— Осилим! — ответил Степан Константинович.

У всех отлегло на душе.

— Тогда можем считать, дело у нас получится.

— Я завтра позвоню в Москву, утрясу все вопросы и вечером отвечу.

— Не пойти ли нам куда-нибудь покушать? — предложил Амон.

— Около десяти, уже поздно, — деликатно отказался я.

Степан Константинович поддержал, и знаю, почему при них неудобно было обсуждать, а насчет звонка он чуточку соврал. Откладывать это не имело малейшего смысла, партнеров в Москве необходимо было немедленно информировать. И почта рядом с нами, и работала она круглосуточно.

— Никто из местных не наезжает, не лезет? — внезапно спросил Амон.

— Мы сами ниже травы, тише воды, — ответил Степан Константинович? — За что?

— Мало ли, — резюмировал Амон, — мы поедем, а завтра ровно в пять часов мы у вас, опаздывать не будем.

Взаимные рукопожатия, пожелания, улыбки, напутствия, включая несколько ничего не значащих таджикских слов, — и они уехали.

Мы отправились на почту и заказали переговоры с Москвой, и через пять минут нас соединили. В кабину зашел Степан Константинович, а я, Паша и Лёня вышли на улицу. Хоть и ночь, но по-летнему жарко. Две конкурирующие шашлычные работали допоздна, громко кричавшие динамики мешали посетителям вести беседу, а людям в соседних домах — спать. Настроение позволяло посидеть и поужинать.

Степан Константинович вышел в лунное сияние; увиденное и услышанное он передал и получил одобрение.

Глава III

Освоение Средней Азии началось.

Пойти в гостиницу спать не получалось — каждая клетка тела ликовала, перевозбужденное состояние от будущей удачи! В таком состоянии я не мог уснуть. И никто не хотел уединяться, состояние безграничного мечтания овладело нами. В таком настроении все старые грехи простишь своим лютым врагам! Паша заказал по две порции шашлыка и соус к нему — острый зверобой — и как всегда, не растерялся и воспользовался благосклонностью всеобщего подъема духа: взял две поллитровки и газировки. Мы со Степаном переглянулись и слегка улыбнулись, поняли друг друга. Сидели долго, до закрытия — до часу ночи. В номере тоже долго сидели; я взял у Паши ключи от его номера и попросил, чтобы меня не будили: завтра до приезда Амона свободный день.

После приезда в Таджикистан первое время тяжело было привыкнуть к надрывному протяжному крику муэдзина, который призвал: пока неверные спят, пусть правверные начнут молитву-намаз. Каждый день пять раз! Муэдзин, как нам потом сказали, был бывший партийный функционер. Хотя чему удивляться: Зюганов — и тот крестился! Улицы оживились. Продавцы овощей, фруктов и хлеба — все торопились на рынок занять свое место. Действительно, восток — большой базар, со свойственным ему запахом, который напоминал мне стихийный рынок на Ленинском проспекте возле магазина «Власта». Грязь, разбросанные коробки, бумага, ящики и бутылки, шум, гам и гул, и родной русский мат... Базар — то место, где новости распространяются быстро и коллективное бессознательное легко управляется, как наш шоу-бизнес.

Стук в дверь разбудил меня; времени было уже десять, я подошел и спросил:

- Кто?
- Вставай, Стёпа зовет, — с той стороны двери сказал Паша.
- Я ведь просил: завтракайте без меня. Что-то случилось?
- Нет, ничего не случилось, только Стёпа срочно зовет.
- Ладно, через пять минут буду.

Он ушел; слышен был затухающий звук его шагов.

Не торопясь, я оделся, заправил постель, умылся, закрыл дверь за собой на ключ и пошел к ним.

— Что случилось? — раздраженным тоном бросил я.

— Кое-что, — вчера Паша на радостях, или от воздействия водки, разоткровенничался. Он рассказал истинную причину его приезда в Таджикистан. Он собирался у завода купить 25- и 50-литровые фляги и обменять на Житомирском молочном комбинате на сахар и сгущенное молоко. Я ночью подсчитывал цифры — отдача казалась отщемляющей. Соотношение к трем, что скажешь? — обратился он ко мне.

— Раз после двух бутылок ты такое сказал — надо было вчера купить и третью, да, Паша? Цифры хорошо, но деньги откуда, чтобы купить фляги?

— Денег не надо, — сказал Паша, и Степан Константинович утвердительно кивнул головой.

— Что, уже наступил коммунизм? А кто бесплатно даст, в наше время и бабушка дедушке за так не даст!

— За бартер, — сказал Степан. Видимо, за ночь Паша хорошо проехал ему по ушам.

— А что у нас есть для бартера? Только ты, Паша. Но трезвый никому на хер ты не нужен.

— Директор Водоканала даст ему. Завод задолжал большие деньги, и он согласен вместо денег забрать фляги, если мы ему дадим какой-нибудь товар.

— Это немножко становится правдоподобным, мы из Москвы можем сюда товар гнать, — сказал я.

— Теперь понял, почему рано разбудили? — сказал, как бы оправдываясь, Степан.

— Время не ждет — надо ехать на Водоканал, встретиться с директором, он может куда-нибудь уехать — хозяйство у него большое, потому ищи ветра в поле! Паша, далеко контора?

- Пешком двадцать минут.
- Тогда лови машину, — сказал Степан.

Потом такие поездки нас будут разорять; расстояние больше пятисот метров мы с ним всегда ехали на такси. Ему было лень пройтись каких-то тысячу шагов, что и здоровью было бы полезно. Он выдумывал разные отговорки, лишь бы пешком не ходить.

Не успели глазом моргнуть, как наш Ванька-встанька тут как тут: машина у входа. Через пять минут выехали за металлические ворота. Степан Константинович рассчитался с таксистом, Паша одним рывком зашел в двухэтажное здание. Мы не успели спрятаться в тени от солнца, как он обратно вскочил и сказал, что директор нас ждет.

Зашли в дверь, поднялись на четыре лестничных марша. После уличного яркого солнца в коридоре нам было очень темно: здесь тускло мерцала «лампочка Ильича». Паша открыл дверь, и мы зашли в приемную, где сидели три женщины: секретарь, кассир и экономист. При появлении Степана улыбка прошла по их лицам, неожиданное появление их застало врасплох, Степан занимал почти половину пространства маленькой комнаты. Это повторялось не раз: на улице, в магазине — куда бы мы ни ходили, он своими габаритами воплощал «пир во время чумы». Действительно, за мое пребывание я не заметил ни одного человека размером в половину Степана!

Дверь директора была приоткрыта, и мы вошли. Паша был с ним на равных. Хамракулов, так звали директора, был маленького роста, с рыжими волосами и такими же усиками, по-русски он говорил с сильным акцентом. Он был одет в шоколадного цвета костюм, туго натянутый на теле. Из всех, с кем Паша нас познакомил, Хамракулов был наиболее приветливым и общительным, но потом, как выяснилось, и самым глупым. После знакомства он нас стал звать «акка» — брат. Степан был брат-1, я — брат-2. А когда он говорил, то всегда смеялся, и вскоре его смех и хохот начинали раздражать Степана Константиновича. Все слова Паши он подтвердил.

После гражданской войны, кто воевал и был напористый и хамоватый, те по праву сильного и заслугам выбивали себе хорошие должности. Очень многие стали директорами совхозов, бензоколонок, завскладами, завотделами в исполкоме и мэрии, энергосети. Единственное — на место Хамракулова никто не претендовал, и он остался на своем месте.

Так в постсоветском пространстве в республиках, где шли хоть какие-то военные действия, сложилась бизнес-элита. Эдакий хамоватый, тупой, со знанием «высшей арифметики» — умножать, складывать, делить и отнимать, и себе прибавлять — вот и весь багаж знаний, никто из них не пошел в университеты преподавать. А где не было войны — туда пришли прошедшие войну, без хамства никуда не деться, не подмажешь — никуда не поедешь, и все прочие проститутки, мошенники и братва.

С Хамракуловым попрощались, он распорядился, чтобы его персональный водитель отвез нас в гостиницу, Водитель был его зятем, мужем старшей дочери, на свадьбе которых Паша джазовал. Хамракулов через каждое второе слово хихикал; я не понимал, где и зачем надо смеяться. И еще он часто повторял: «Паша, учи меня бизнесу». Но Паша упорно не учил его бизнесу.

Стрелки на циферблате приближались к пяти вечера. Время шло как никогда медленно. Нет ничего хуже ожидания, когда другие распоряжаются твоим временем за тебя. В коридоре были слышны торопливые приближающиеся шаги. Полусонный, я чуть приподнялся с кресла, повернул голову в сторону открытой двери. В дверь уже входили Амон и Гари. Степан Константинович уверенно вошел из спальни в гостиную, вежливо поздоровался и произнес несколько слов по-таджикски. С угодливой улыбкой и детской наивностью на лице он удобно устроился в кресле и сказал:

— Я говорил с Москвой и получил согласие, но за наличными мне надо лично улететь в Москву. Завтра или послезавтра.

— С билетами проблема, но этот вопрос решим без всякого осложнения, — сказал Амон, остановился на минуту и неловко продолжил: — Для более близкого знакомства мы решили немножко посидеть и отвлечься от деловых разговоров. Если можно, то прямо сейчас.

Мы со Степаном посмотрели друг на друга и незаметно одобрительно кивнули друг другу головой.

— Можно! Давно я не отдыхал, больше шести лет, — жалобно сказал Степан Константинович.

Для меня это было новостью.

— Тогда мы на улице вас подождем.

Под толстыми стеклами очков видно было, как от радости, что есть очередной повод выпить, глаза Паши заблестели. Дом, куда мы при-